

## Сергей САМОЙЛЕНКО

*Сергей Самойленко родился в 1960 г. в Макеевке, Донецкая область. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького (отделение поэзии). Стихи публиковались в журналах «Литературная учеба», «Соло», «Юность», «Волга», Ното Legens, интернет-журнале Text Only, антологии «Нестоличная литература» и др., входили в шорт-лист премии «Антибукер» (1998). Автор четырех книг стихов. Как театральный критик публиковался в газете «Культура», в «Петербургском театральном журнале», журнале «Около». Переводит поэзию и современную и классическую драматургию (Мариво, Мольер, Ясмина Реза, Франсис Вебер, Себастьян Тьерри и др.). Преподает историю зарубежного театра в Балтийской школе музыкальных и сценических искусств (Калининградский филиал РГИСИ).*

\*\*\*

недружная весна идет как из-под палки  
сосулек бахромы висит ни в зуб ногой  
кто в лес кто по дрова вороны или галки  
галдят заупокой

февраль от слова арт рифмуется с артрозом  
кругом сплошной грабярь берлинская лазурь  
суставами скрипят больничные березы  
не бзди глаза разуй

снег ноздреват и рыхл он держит нос по ветру  
предчувствует апрель по первое число  
а мне отшибло нюх я ничему не верю  
тем более в добро

предполагая жить хоть чучелом хоть тушкой  
гляжу на белый свет сквозь черные очки  
пока над головой не грянут как царь-пушкин  
саврасовы грачи

\*\*\*

прокуренного утра  
сырая хренотень  
лохмата как лахудра  
персидская сирень

бриллиантовая зелень  
озон и никотин  
газующей газели  
разбавленный бензин

цветет в ближайшей луже  
павлиний хвост аи

и ты недоразбужен  
встаешь пинать хуи

пенсионер бездельник  
еще не очень стар  
выходишь в понедельник  
с похмелья на бульвар

садишься благочинно  
за столиком в кафе  
и пьешь свой капучино  
до шума в голове

поглядывая жадно  
записывая впрок  
все что неоднократно  
имел и не сберег

всю эту ахинею  
всю радужную чушь  
все то что не умею  
запомнить как ни тщусь

на возраст поздно дуться  
но память неполна  
без этого от блюдца  
кофейного пятна

без вкуса мокрой пыли  
и запаха листвы  
не вспомнить кем мы были  
и кем не стали вы

дожив до лет преклонных  
без сердца и ума  
тройным одеколоном  
дохнет глухая тьма

асфальта и резины  
удушливый букет  
напомнит мнемозина  
гся в прихожей свет

сирени и ранета  
риохи и бордо  
и я из жизни этой  
откинусь по удо

\*\*\*

вяз развязал распоясался ясень  
в яблонях и в сирени по уши этот май  
до отвращения пышен щедро огнеопасен  
до тошноты прекрасен только не умирай

лыка не вяжут клены в зелени по макушку  
в мае заря пунцова и кумачов закат  
ухает ночью филин хором поют лягушки  
тополь в росе по локоть липа в цвету до пят

сколько осталось весен и без кукушки ясно  
празднуйте под фанфары следующий пожар  
пусть все горит огнем а у меня погасло  
выгорело дотла сжался не уезжай

жаворонок в зените и росиньоль в рябине  
ласточки ортоланы и остальная родня  
оплачьте похороните кого еще не убили  
спойте над пепелищем порадитесь за меня

\*\*\*

Этот город брусчат и узкоколеен.  
Как мы здесь очутились? Почти случайно.  
В старом доме на бывшей Луизеналлее  
просыпаясь затемно от криков чаек,  
за обедки дерущихся на помойке,  
все враждебным кажется с непривычки.  
Ну не плачь, любимая, успокойся,  
полчаса до моря на электричке,  
как ни странно, многое искупает,  
все могло бы быть и куда паршивей.  
Хочешь, смотаемся искупаться?  
Надо было дальше, но не решились.

Поменялись ПИН-коды, пароли, явки.  
Вперемежку с хрущевками – кирхи, шпили.  
Почему б в этой бухте не бросить якорь? –  
говоря фигурально, высоким штилем.  
Сильно смахивая на условный Запад  
или на Европу с приставкой недо,  
виноград камуфлирует на фасадах  
вездесущие баннеры «За Победу!»  
Проступают призраки Кёнигсберга  
сквозь витрины и окна Калининграда,  
и под сетью дырявой «Янтарьэнерго»  
полыхают напалмом провалы ада.

Две волны британских бомбардировок  
выжгли центр дотла в сорок четвертом.  
Вот тогда-то было совсем херово —  
те, кто выжил, завидовали мертвым.  
А сейчас, как игрушечные, из лего,  
карамельные домики, разномастны.  
Здесь зимой почти не бывает снега,  
и морозы такие, что курам на смех.  
А в апреле, стряхивая оцепененье,  
как с цепи сорвавшись, цветет весь город  
алычой, форзицией и сиренью,  
и магнолией, и прочей флорой.

Кипарисы, буки, дубы, каштаны,  
а под сенью — пежо, мерседесы, порше.  
По сравнению с Сибирью не те масштабы,  
не спеша дошагаешь пешком до Польши.  
Никогда я не видел руины замков,  
гнезда аистов и колтуны омелы.  
Здесь снимают кино про войну и Запад,  
но снимают халтурно и неумело.  
Крестоносцы, пруссы, тевтонский орден,  
гугеноты, беженцы, релоканты...  
У собора роятся туристов орды,  
ночью светится красным могила Канта.

Сколько в этих болотах костей и кладов,  
сколько в Балтике янтаря и рыбы?  
Неизвестно, зачем нам все это надо,  
но на всякий пожарный скажу спасибо,  
выходя под кантовским звездным небом  
в ясной памяти на песчаный берег,  
не успев дописать, что мечтал, но недо,  
не доделав всего, что хотел, но пере.  
Я надеюсь в последнюю четверть честно  
научиться жизни нельзя нелепей.  
Лучше моря вряд ли найдется место  
над водой развеять по ветру пепел.

\*\*\*

Что означает, если приснится  
глокая куздра, железная птица?  
Крылья как два топора.  
Смотрит в упор на манер василиска  
призрак совриска из Новосибирска,  
напоминая: «Пора!»

Кашель к утру разрывает мне бронхи,  
Память давно превратилась в обломки,  
сколько ни ройся — облом.

Был вундеркиндом, а стал октябрёнком.  
Летом в деревне доили буренку,  
пахло коровьим говном.

Первая школа была деревянной,  
ставила двойки в дневник Мариванна,  
так объясняя отцу:  
«Мальчик ваш очень способный, но бука,  
может за день не промолвить ни звука».  
Всыпать ремня стервецу!

Был интровертом, а стал пионером.  
Звали Французом, Гроссмейстером, Серым,  
как-то еще, позабыл.  
«Мальчик, конечно, блестящий, но лодырь!»  
Слеты, линейки, костры, турпоходы –  
как же я вас не любил.

С металлоломом и с макулатурой –  
фартуки, банты – набитые дуры.  
Я не влюблен ни в кого!  
Правда, была одна Зина, нет, Нина,  
важная шишка в совете дружины,  
страсти предмет роковой.

Школьные годы летели со свистом.  
Был шахматистом, а стал онанистом,  
тут и прыщи по лицу.  
Дама червей, обнаженная маха,  
помесь стыда, вождения, страха –  
много ли надо юнцу.

Так бы и шло. Но не знамо откуда  
что-тодохнуло предчувствием чуда,  
в строчки сложились слова.  
Был комсомольцем, а стал рифмоплетом,  
строчку за строчкой, как из пулемета,  
сам понимая едва.

Все понеслось кувырком и вприпрыжку:  
дружба, филфак, рукописные книжки,  
Вагинов, Хармс, Мандельштам.  
Юность прошла между Щербой и Проппом.  
В очередь – Брежнев, Черненко, Андропов,  
как анекдот не для дам.

Память слабее, чем к финишу ближе.  
Терпит бумага, губерния пишет  
прямо в графу «Итого».  
Кто там учил ничего не бояться?  
Был распиздяем и жил тунеядцем,  
мне ли пенять на него.

Мальчик, корпевший над чистой страницей,  
мог ты представить, что так все случится,  
ровно до наоборот?  
Стать переводчиком и мизантропом  
в мире, в котором не будет Европы,  
может и мира вот-вот.

Птица проклятая, мерзкая куздра!  
Мир постепенно съезжает ли с глузда,  
следом за миром не я ль?  
Кто-нибудь скажет, что будет в финале?  
В этом финале не будет морали,  
да и при чем тут мораль.

\*\*\*

Чем там движется все, атоме?  
На другом краю материка  
выйдешь на берег – море, море!  
Небо, чайки и облака.

Цвета кровельного железа  
и бутылочного стекла,  
бьется вдребезги о волнорезы,  
растекается, как смола.

Шевелящийся блеск атласный  
в смятых складках гофре, плиссе.  
В шторм – грохочущая автотрасса,  
в штиль – чуть слышимый плеск в песке.

Вечно разное и другое –  
ночью, утром, в разгаре дня.  
То зеленое, то седое,  
не похожее на меня.

Ближе к старости ценишь вдвое –  
жизнь в эксклаве на сложных щах,  
не смолкающий гул прибоя,  
заглушающий шум в ушах.

Атлантические задворки,  
где янтарь продают на вес.  
Я б хотел здесь, как Ленин в Горках,  
навсегда умереть не весь.

Или лучше – как Кант. Философ  
был у моря хоть раз? Вопрос.  
В детстве, может быть, стать матросом  
он мечтал, да не довелось.

Никогда не блевал от качки,  
но в предсмертном бреду не зря  
Кант кричал, как матрос на мачте:  
«Вижу землю. Земля! Земля!»

\*\*\*

сикарашки жучки бикарасы  
косиножки на ломких ногах  
жизнь прекрасна до третьего класса  
даже если ты с ней не в ладах

облаченные в экзоскелеты  
водомерки сверчки светлячки  
население дачного лета  
уйма мух легион саранчи

баснословная фауна детства  
заповедник июльского дня  
мир природы не знает злодейства  
насекомым плевать на меня

пауки ухвертки двухвостки  
для чего эти твари нужны  
спинки в крапинку брюшки в полоску  
крылья радужны жвалы страшны

тараканы букашки козявки  
царство моли держава клещей  
вы останетесь здесь на хозяйстве  
если мы испаримся вообще

трубковерты хрущи дровосеки  
кто любил вас сильнее чем я  
хладнокровная раса инсектов  
не родня они нам не друзья

щелкуны скрипуны трупоеды  
жесткокрылы живучи умны  
эти монстры не с нашей планеты  
ксеноморфы чужие не мы

эти панцири эти кирасы  
блеск металла хитиновый лязг  
копошащаяся биомасса  
мириады фасеточных глаз

караулящих нас в наших кущах  
ожидая последний бултых

жрущих жалящих кровососущих  
как две капли похожих на них

\*\*\*

Снять дачу. Главное – недорого,  
без разницы в какой глуши.  
Сдают знакомые, от города  
верст шестьдесят. Читай, пиши.

Да, не у черта на куличках, но  
не ближний, согласитесь, свет,  
не меньше часа электричкой,  
другой альтернативы нет.

Там жил пенсионер-мичуринец,  
шесть соток заросли травой –  
копай, пока не окочуришься,  
и превратишься в перегной.

Приедешь. От хозяйской рухляди  
избавишься, запрешь в сарай  
панно, засиженное мухами.  
Проветришь. Подметешь. Гуляй.

И вот, чуть обзрев окрестности –  
дом, пруд, лес, речка, ебень –  
сядь на крыльце в хромое креслице,  
не зная, чем себя занять.

Пока шурупом вместо штопора  
откупориваешь мерло,  
свет гаснет медленно, как в опере,  
перед премьерой «Фигаро».

Кого дают сегодня вечером?  
Дают дрозда и соловья.  
А что еще здесь делать? Нечего.  
Тем паче дача не своя.

Все замерло в лиловых сумерках,  
Сиди и слушай, как дурак,  
настырный комариный зуммер,  
и выключить его никак.

Другое дело электричество,  
оно совсем наоборот,  
начнет подмигивать панически,  
пока совсем не пропадет.

Во всей округе свет отключится,  
придет подстанции каюк,  
и небо звездное колючее  
над головой зажжется вдруг.

Над муравьиным мегаполисом,  
борщевиком и лопухом.  
Над магазином за околицей,  
над валуном, поросшим мхом.

Над фермерством, над мелким бизнесом,  
над ебеньями, хоть убей.  
Над Западно-Сибирской низменностью,  
над малой родиной моей.

\*\*\*

черешневою косточкой  
заряжен пистолет  
поигрывает тросточкой  
повеса и поэт

к нему судьба индейка  
с рождения добра  
прекрасная еврейка  
ему вчера дала

ему дуэль рулетка  
он промаха не даст  
поэт стреляет метко  
ведь он же пушкин ас

к цыганам ездит в табор  
читает при свече  
и сочиняет рапорт  
в стихах о саранче

играет на бильярде  
в очко и в домино  
курчавит бакенбарды  
буянит в казино

ведет он жизнь пустую  
ужимки и прыжки  
кутит напропалую  
корябает стишки

скучая в кишиневе  
напрашиваясь чтоб  
граф косточкой вишневою  
влепил повесе в лоб

а после в зрелом возрасте  
известнейший пиит  
классической прозой  
нам все изобразит

черешню бессарабию  
где в ссылке аки царь  
жил не без безобразия  
коллежский секретарь

\*\*\*

моя муза крови набрала в рот  
не мычит не телится третий год  
только смотрит волком  
врешь как дышишь безграмотная урла  
в голове громко гавкает абырвалг  
да щетинит холку

где свинья в ермолке там конь в манто  
сучья речь перешла на жаргон ментов  
на язык суконный  
уголовную феню блатной шансон  
на казенный сленг на тюремный стон  
с похоронным звоном

научись не вздрагивать слыша: «ложь!»  
нож любой завет обращает в ложь  
ни закона ни благодати  
воровской словарь лексикон жулья  
неживой язык мертвым ртом жуя  
исполать вам бляди

я молчу как убитый как рыба нем  
лучше ржать как конь как гуигнгнм  
иг-го без ига  
без ярма неправды оброка лжи

говорят: спасибо скажи что жив

говорю спасибо

\*\*\*

*В.Н.*

колыбель качается над бездной  
спит младенец в люльке видит сон  
никому на свете не известно  
кем он станет кем не станет он

ничего пока что не понятно  
бесполезно всматриваться в тьму  
вспышки света солнечные пятна  
будут сниться без конца ему

райский сад не тронутый распадом  
детства разноцветное кино  
ничего предсказывать не надо  
все и так предопределено

все и так уже предельно ясно  
катится россия под откос  
продолжая сниться неотвязно  
через радужную призму слез

продолжая сниться еженощно  
в поездах отелях номерах  
все что б ты хотел увидеть очно  
до того как будешь умирать

и когда на мелкие осколки  
с треском разлетится голова  
сложатся в узор калейдоскопа  
бабочки стеклышки слова

### **Максу, до востребования**

храни тебя господь в сухом прохладном месте  
определив в нз на самый черный день  
отрезанный ломоть не ставший грузом двести  
до скорых новых встреч лишенец и мишень

посмертно рядовой словарного запаса  
кого благодарить что ты в такой стране  
не лагерная пыль не пушечное мясо  
а проклятый поэт умерший не вполне

до страшного суда лежи в обложке братской  
пока не подключат вселенский интернет  
не извлекут на свет трубой своей дурацкой  
прочтут и навсегда опять погасят свет

\*\*\*

кто в детстве не стоял в углу  
весь вечер в темном коридоре  
нарочно разломав юлу —  
не знает что такое горе

кто в школе не носил очков  
глаза испортив в одночасье  
дюма читая с ночничком —  
не понимает как он счастлив

не плоскостоп не близорук  
залезть умея по канату  
кого не презирал физрук  
и не дразнили очконавтом

кто не зубрила не задрот  
и не ботан четырехглазый  
отличник весь учебный год  
игноримый всем третьим классом

тихоня маменькин сынок  
бредущий в школу чуть не плача  
боялся двоечников мог  
дать сдачи только по-девчачьи

блажен моральный инвалид  
прошедший этот ад без травмы  
без непрощаемых обид  
бойкотов унижений травли

пусть этот нравственный урод  
живет животным толстокожим  
как крокодил и бегемот  
ничем не мучим не тревожим

пусть набивает свой живот  
пивасиком и дошираком  
навряд ли до него дойдет  
когда-нибудь как до жирафа

пусть вкусно жрет и сладко пьет  
пусть хоть на бали тушу нежит  
ты не поверишь в рот компот  
есть у рептилий гилти плежа

чему же предается он  
в маразм впадая будто в детство?  
не угадал не секс не сон  
не алкоголь не людоедство

ты прав игрушечный волчок

поставлен в угол в наказание  
надавливая на зрачок  
до ощущения сиянья  
фрактала радужки

течет  
из глаз и носа

дурачок  
не плачь не плачу ну и я не  
о чем тут плакать?  
ни о чем

\*\*\*

летучая гряда небесная регата  
неведомо куда плывет из-за бугра  
ничей воздушный флот беспаспортных фрегатов  
не ищущих себе ни друга ни врага

не знавших никогда ни рима ни эллады  
ни мира ни войны ни жизни не по лжи  
плывут куда хотят или куда им надо  
к ненашим берегам в чужие рубежи

им кучевым плевать на санкции таможеню  
на средства пво и визовый режим  
пока ты пузом вверх как вечности заложник  
на пляже нагишом безвылазно лежишь

над балтикой гроза над черным морем тучи  
кругом холодный фронт и горизонт багров  
куда ж нам плыть нигде уже не будет лучше  
а небо навсегда закрыто на засов

\*\*\*

в самой западной провинции  
не настолько уж глухой  
по остаточному принципу  
существуем мы с тобой  
на околице империи  
на краю материка  
без амбиций и вне времени  
наблюдая облака  
проходящие над балтикой  
атмосферные фронты  
где ни зетников ни ватников  
только я и только ты

в нашей внутренней монголии  
ни войны ни сво  
блогеров многоглаголание  
не меняет статус-кво  
если и читаем новости

не про дроны и бахмут  
здесь в восточнопрусской волости  
рододендроны цветут  
нежно розовеет сакура  
и черемуха за ней  
нестерильной ватой сахарной  
кутает культы ветвей

с этим минимумом базовым  
ждем без страха и стыда  
как у господина за пазухой  
даты страшного суда  
чуть проклюнется форзиции  
неживая желтизна  
и разит по всем позициям  
трупным запахом весна  
оголяет плоть магнолия  
естеством своих телес  
тошнотворное зловоние  
источая до небес

мы живем здесь как на острове  
а точнее как на луне  
не поддерживаем острые  
разговоры о вине  
в смысле не о фанатизме  
как в такие времена  
сосуществовать у моря и  
обходиться без вина  
без надежды и без радости  
встретить дивный новый свет  
жить и жить бы так до старости  
но у нас ни шанса нет

\*\*\*

далеко ли еще мне до патриарха?  
облачиться пора б уж в парчу и бархат  
сразу стать респектабельным и вальяжным  
а не валять дурака на нудистском пляже

хорошо б озаботиться внешним видом  
педагогу приличествует пиджак из твида  
а не джинсы с майкой-алкоголичкой  
пошитой на фабрике большевичка

врать не буду гонялся и я за модой  
молодым был однажды душой и мордой  
и в шестнадцать бы отдал за леви страус  
честь и совесть оставив лишь ум на старость

в прошлой жизни носили мы клёш пошире,  
трузера из афиш театральных шили  
и не стриглись по году лелея хаер  
лишь бы быть не похожими на эти хари

но ума и сейчас у меня немного  
и похож я на старого педагога  
а точнее на старого изувера  
студизусов мучающего мольером

не достать за деньги штанов желанных  
ни ливайсов ни врангеля ни монтаны  
нет сегодня коттона такого кроя  
стать моложе вчетверо или втрое

нет такого неба цвета индиго  
чтоб под ним как тогда хоть на миг могли бы  
где еще все живы и никто не старый  
а из окон настезь одна шизгара

\*\*\*

*Сергею Солоуху*

Рожденному в СССР,  
мне в детстве недодали моря.  
Уж лучше б недодали хлеба –  
мираж, химера, vive la mer!  
До моря было, как до неба,  
или до Марса, например.

Кого ебёт чужое горе,  
моряк с сибирской печки бряк.  
Всегда готовый пионер  
срифмует на любом заборе  
икс, игрек, неизвестный знак,  
генсеку подрисует рожки,  
изобразит Веселый Роджер –  
memento mori,  
флибустьер.

Короче, bref,  
спустя полвека он все тот же,  
состарился не повзрослев.  
Штормит весь день. От соли в горле  
першит. На вышке черный флаг:  
купание запрещено.  
Рискни – волна сбивает с ног,  
швыряет, будто поплавок.  
Захлебываешься, теряешь дно,

не говоря заплыть за буй.  
Ну нах!

Вот маленький лайфхак:  
похерь «ебёт», исправь – «волнует».  
Безмерно в ширину, в длину ли,  
неисчислимо в мире мер,  
волнует, но теперь не так,  
как в юности.  
Пенсионер,  
ты мог бы жизнь прожить иную,  
на берегу морском пануя,  
забыв войну и в ус не дую,  
примолодившись, как мудака.  
Я прав? Не факт.